

УДК 172.12+130.2
DOI: 10.26456/vtphilos/2024.4.106

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. С.- Петербург

Анализируется с позиций семиотического подхода специфика субкультурного движения граждан СССР. Сторонники данного движения верят в то, что Советский Союз продолжает существовать, соответственно, наличие советского гражданства может освобождать от необходимости исполнять современное российское законодательство, оплачивать коммунальные услуги и возвращать кредиты и займы. Символом принадлежности к движению стал так называемый «советский паспорт», выдача которого превратилось в приносящий доход бизнес. На примере данной субкультуры мы видим, как идеология превращается в своеобразный семиотический код, способствующий успешной трансляции соответствующих идеологем.

***Ключевые слова:** субкультурная коммуникация, семиотические фикции, семиотический код, паспорт, гражданство.*

Реализация постмодернистского принципа равнозначности дискурсов приводит к формированию семиотических фикций, способных решать коммуникативно-прагматические задачи и влиять на социальное поведение людей. Достаточно часто трансляция подобных семиотических фикций приводит к созданию социальной мифологии, причем мифологемы и мифотеологемы дискурсивной среды вступают в конкурентные отношения со «структурами повседневности». Формируется своеобразное мировосприятие, отчасти напоминающее аксиологию радикального схоластического реализма, допускающую смешение реального и дискурсивного. Как показывают исследования религиоведов [7], данное явление не ограничено сферой игрового поведения людей, или точнее – часто граница между игровым и неигровым поведением, ироничным и нейтральным регистром, относительными и абсолютными понятиями и величинами оказываются условными, едва ли не конвенциональными. Мы принципиально уточняем следующее: данная статья не рассматривает и не оценивает советское общество, а посвящена некоторым явлениям семиотического плана, связанным с конструктором «СССР» только некоторой частью семантического поля.

Функционирование семиотических фикций на материале религиозных движений мы уже рассматривали, сейчас наше внимание привлекает материал, нерелигиозный (хотя и допускающий разного рода вторичные амальгамы религиозности), относящийся к движению «граждан СССР», из-

вестному также под ироничным наименованием «свидетели СССР» (по аналогии со Свидетелями Иеговы), «некрокоммунистов» [7] и другими названиями. В основе идеологии данного движения лежит тезис о том, что Советский Союз продолжает существование, соответственно наличие советского гражданства и декларируемый отказ от гражданства Российской Федерации избавляет от необходимости исполнять российское законодательство, оплачивать коммунальные услуги, возвращать кредиты и т. д.

Данное движение не является уникальным. В середине 1980-х гг. в Германии возникает радикально-националистическое движения «граждан рейха» – «рейхсбюргеров», аналогичным образом утверждающих существование в настоящее время Немецкого Рейха, основанного в 1871 г. Подобно «гражданам СССР», полагающим, что СССР де-юре продолжает существовать, немецкие рейхсбюргеры доказывают юрисдикционную субъектность Второго Рейха тем, что Веймарская конституция формально не была отменена ни во времена нацизма, ни после его краха. Более того, данные сравнительно-исторического анализа позволяют сделать вывод, что близкородственные идеи присутствуют в различных легитимистских обществах, доказывающих правосубъектность различных свергнутых монархических династий. Отличительными признаками данных движений являются постоянные попытки конвертации идеологием в конкретные социально-экономические предпочтения: декларирование соответствующего гражданства легитимирует в глазах адептов право избирательно подходить к исполнению конституционных обязанностей, определяемых реальным правовым статусом личности.

Полагаем, что в значительной степени популярность подобных движений коренится в социальной депривации части социума, которая задействует семиотические компенсационные механизмы, приводящие к созданию различных семиотических фикций, апеллирующих к мощному пласту воспоминаний, являющихся материалом для ностальгической мифологии. Как показывают наши исследования, в основе подобных процессов часто находится инверсивное противоречие между претензиями на особый социальный статус адептов (от «посвященных в тайны мироустройства» до «продолжателей дел предшественников») и их низким реальным социальным положением. Контаминация мифологием интерпретирующих недавнее прошлое и идеализирующих «поколение золотого века» и косвенно – современников, воспринявших соответствующие идеологические и мировоззренческие установки, то есть мифологием ностальгического и героического мифа, не только способствует формированию семиотических фикций, позволяющих отчасти преодолеть инверсивное напряжение, но придает данным конструктам структурную устойчивость.

Данное явление вписывается в диапазон знаковых явлений, где знак может совершать дрейф от минимума семиотичности до максимума, когда связь планов оказывается минимальной, а означаемое является единичным или групповым представлением, интеллектуальной конструкцией. Диапазон

знаковости в нашем случае позволяет двигаться от собственно денотата через разные формы воспоминаний (которые могут подразумевать и реконструкторские игры) к собственно факции. Практика почитания, защиты и апологетики, сохранения элементов определенной реалии, символики, вещей, словесных выражений, традиции резко расходится с объявлением в данный момент (не в прошлом и не в будущем) о существовании определенного социального явления – в нашем случае это определенная организация общества.

Один из вариантов функционирования семиотического состоит в компенсации тех или иных видов «ущерба», «утраты», «травмы». Этому способствует и возможность трансфера как с реальности к знаку, так и с одних знаков на другие. В крайнем регистре, регистре патопсихологии в ход идут самодельные или присвоенные ордена, документы, мундиры, украшения, а также и те или иные виды самопрезентации и самоименования. Несмотря на как минимум абсурдность подобного, кому-то такие игры приятны, кому-то улучшают настроение и т. д., иначе семиотическая мотивация просто отсутствовала бы.

В подобных случаях мы видим реализацию одного из базовых принципов семиотического: создать новый знак, систему знаков и т. д. очень сложно, проще и легче надстраивать и частично менять уже существующее или вообще возвращаться к уже имеющемуся, объявляя о его валидности и собственных правах на приватизацию семиотики.

Неантязация привычного может подтолкнуть к реализации разных способов адаптации к изменению привычной картины повседневности. Это могут быть попытки рационального осмысления, растерянность и уже упомянутая травматизация и эмоциональные и экзистенциальные затруднения вхождения в изменившуюся реальность и освоение ее.

Семиотизация отсутствующего, оказавшегося в прошлом, социально дезактуализированного включает четыре основных варианта поведения, в целом встраивающихся в модель семиотического диапазона [8, с. 127–133]:

1. Реставрация – попытки восстановить некий социокультурный порядок вещей, наделяя его необходимой социальной онтологичностью, насколько такое насыщение вообще возможно, вернуть реальность. В некоторых случаях об объекте реставрации известно настолько немного, что происходит усиление волонтарного начала реставраторов и мифологизация интересующих их явлений и социального контекста, эпохи и проч. Так мифологизируется раннее христианство в радикальных протестантских общинах, пафос существования которых состоит в будто бы детальном восстановлении «доконстантиновской церкви» (впрочем, порой можно встретить и более радикальные варианты, напр., возвращение к «христианству первого века» и исконная языческая религия в соответствующих неязыческих общинах).

2. Мемория – сохранение определенных точек памяти, связанных со сферой воспоминаний при отсутствии стремлений осуществить полную онтологическую реставрацию. Это, например, частно-коллекционерская или музейная консервация артефактов. Так музейное хранение личных вещей мучеников 1792 г. (жертв «сентябрьской резни» во время Французской революции 1789-1794 гг., помимо памяти святых представляет подлинную вещь эпохи, реально и изначально вписанную в определенную ситуацию.

3. Игровая реконструкция – основывается на создании внешне похожего на реальность текста, имеющего, однако, чисто игровые семиотические (и экстрасемиотические) свойства. Игра компенсирует невозможность создать реальность, поселиться в ней и т. д.

4. Перенос означаемого в непредметную сферу с одновременной декларацией безусловной онтологической полноты; именно это мы и рассматриваем в данной статье.

Основным семиотическим маркером принадлежности к движению является наличие так называемого «советского паспорта», оформленного или на «историческом» бланке паспорта СССР, или на его имитации, изготовленной типографским способом в наше время. Подобная типографская продукция изготавливается в качестве «сувенирной», что отчасти делает ее изготовление «законной», хотя оценки практикующих юристов на этот счет разнятся. На сайте, содержащем «пошаговую инструкцию» получения паспорта гражданина СССР, содержатся любопытные нюансы заполнения анкеты, например «Национальность — обязательный пункт в заявлении. Раньше национальность ставилась по желанию ребенка, исходя из того, какую национальность имели его родители. К примеру: мать белоруска, отец русский и можно было выбрать что-то одно, либо белорус либо русский. Менять потом национальность было запрещено. Мы считаем – это нарушением прав человека и даем возможность каждому человеку самоидентифицироваться... Русич (муж.), Рус (муж.), Руса (жен.), Руска (жен.), Великорус (муж.), Великоруска (жен.), Святорус (муж.), Святоруска (жен.), Белорус (муж.), Белоруска (жен.), Русский (муж.), Русская (жен.) Для тех, кто привык к слову “Русский”, также надо определиться, кто Вы – “Русский” или “Руский”. Мы Русы, а не Руссы» [4].

Разумеется, формулировки типа «русич», «великорус», «святорус» и подобные в советском паспорте, выданном на основании Постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР», были совершенно немыслимы. Использование подобной лексики в документах, претендующих на принадлежность правовой системе СССР, явно противоречат базовым советским идеологемам, прежде всего – принципу социалистического интернационализма, предусмотренного ст. 30 Конституции СССР 1977 г. Очевидно, что в данном случае указанные формулировки предназначены для того, чтобы сделать предлагаемый продукт привлекательным для сторонников различ-

ных субкультур, в том числе выражено маргинального типа, часто совмещающих националистические идеологемы и мифологемы неоязычества. Расчет делается на различных маргиналов, оказавшихся в ситуации социально-психологической депривации, использующих продуцируемую семиотическую фикцию для снятия инверсивного конфликта.

Демонизация маргинальными сообществами псевдоправославного паттерна современного российского паспорта как «зашестеренного», т. е. содержащего печать (или т. н. «предпечать») апокалиптического зверя [5] содействует популярности данного полиграфического продукта. В качестве основания для этого приводятся особенности бланка паспорта и правил его заполнения, за которыми усваивается значение семиотического кода. Это, прежде всего следующие аргументы:

1. Информация в советский паспорт вносилась вручную, паспорт не содержал машиночитаемых данных (отсылка к мифологемам эсхатологической технофобии), тогда как в паспорте гражданина Российской Федерации «имеется наличие машиночитаемых записей и радиочастотной метки под фотографией, которые никакими законами не регламентированы» [9].

2. Современный российский «паспорт содержит графы “личный код”, “личный код детей”; вместе с тем нумерация людей является преступлением против человечности. Личный код в паспорте Российской Федерации унижает человеческое достоинство, заменяет данное Богом имя на присваиваемый человеку инвентарный номер» [9].

3. Советский паспорт в своей орнаментике не содержал виньетки, интерпретируемые как апокалиптическое число 666. Тогда как «на каждой странице [российского] паспорта в виньетке, обрамляющей номер страницы, и в орнаменте вокруг слова “Россия” содержится сатанинская символика – число “666”, что оскорбляет религиозные чувства граждан» [9].

4. Советский паспорт содержал графу «национальность», отсутствие которой в современном российском паспорте «оскорбляет национальные чувства граждан и ведет к национальной розни» [9].

Однако мотивация получения новодельного советского паспорта адептами движения граждан СССР не ограничена религиозными и квазирелигиозными установками. Чаще наблюдаются попытки конвертации декларируемого ими советского гражданства в финансовые преференции: «по мнению граждан СССР, чтобы избежать взыскания долгов, необходимо вернуть советский паспорт, права и документы на собственность. Паспорт, в зависимости от аппетитов продавца, может стоить от 2000 до 3500 рублей, справки — от 300 до 500 рублей. Называют это госпошлиной СССР. Оплатить ее можно в российских рублях, денежные знаки времен СССР к оплате не принимают» [3].

Адепты движения граждан СССР утверждают, что «никаких граждан РФ якобы не существует, потому что Российская Федерация возникла незаконно и это не государство, а хозяйственное общество типа ООО. Ни-

чего и ни у кого это ООО требовать не может. А еще граждане СССР ссылаются на то, что в 1991 году прошел Всесоюзный референдум, на котором 76,43 % проголосовали за сохранение Советского Союза. И юридически якобы СССР не разваливался и существует по сей день. Поэтому Российская Федерация незаконна и существует только на бумаге, а государственные и частные учреждения работают нелегально. Все законы, принятые после 1991 года, ничтожны и необязательны для выполнения» [3].

В результате «обычный путь среднестатистического гражданина СССР выглядит примерно так:

1. Взять кредит, просрочить платежи, задолжать за коммунальные услуги.
2. Внезапно осознать себя гражданином СССР и купить паспорт СССР.
3. Получить повестку в суд. Потратить деньги на услуги сомнительных консультантов и юристов.
4. Красиво выступить в суде и потребовать у судьи удостоверение. Получить судебное решение о взыскании всех долгов.
5. Обжаловать это решение. Снова заплатить сомнительным юристам за консультации.
6. Дождаться судебных приставов, ареста имущества и счетов.
7. Заплатить банку, управляющей компании, исполнительский сбор, пени и штрафы.
8. Посчитать потери. Обвинить во всем правительство и банки» [3].

Понятно, что для коммерческой успешности проекта необходимы хоть какие-то подтверждения, что наличие советского паспорта у адептов действительно приносит дивиденды. В связи с этим в Интернете получили распространение различные видеосюжеты, размещенные преимущественно на платформе YouTube, в которых демонстрируется, что новодельный советский паспорт может использоваться для установления личности. Так, например, молодежь выглядящий покупатель, демонстрируя продавщице магазина советский паспорт, успешно приобретает алкогольную продукцию, согласно другим видеоматериалам, советский паспорт оказывается валидным для покупки железнодорожного билета, используется в качестве залога на лодочной станции и т. п. Данные сюжеты могут быть достоверными, поскольку перечисленные действия общественным сознанием воспринимаются как малозначительные, причем может иметь место банальная некомпетентность продавцов, кассиров, лодочников и т. д. не обязанных разбираться в тонкостях паспортной системы Советского Союза, или же их личное знакомство с «гражданином СССР», наличие доверительных отношений. Особый интерес вызывают видеоматериалы, предположительно являющиеся постановочными. На них запечатлено как к «гражданину СССР» подходит на улице некто в форме полицейского, просит предъявить документы, потом внимательно рассматривает новодельный «паспорт СССР», возвращает его с пожеланием хорошего дня и удаляется.

Очевидно, что подобные видеоматериалы преследуют в том числе рекламную цель, и именно поэтому мы не будем приводить ссылки на них. Семиотическая фикция фундируется фикцией коммуникативной.

Акцент на материальных дивидендах приводит к тому, что в семиосфере часто наблюдается десемiotизация советского паспорта как одного из символов Советского Союза, в результате советский паспорт утрачивает символическое категориальное значение и начинает восприниматься преимущественно как альтернатива современному паспорту гражданина Российской Федерации, лишенная символического содержания, но якобы приносящая большую выгоду. Политический в широком смысле символ трансформируется в знак, знаковый инструмент идентификации без явных идеологических коннотаций. Фактически, стирается семиотическая граница между паспортом и т. н. нотариальным *удостоверением тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии, столь популярным среди приверженцев соответствующих субкультурных сообществ.*

При этом имеется интересное отличие: среди религиозно настроенных документоборцев популярен некий «духовный» или «православный паспорт», оформленный «Обществом удостоверяющих себя личностей». Среди сторонников СССР данный псевдо-документ популярностью не пользуется [1] и даже воспринимается как «шутовской».

В результате советский паспорт утрачивает семиотические ассоциативные и коннотативные связи с материалистической и атеистической идеологией, а получение и попытки использования «паспорта СССР» не предполагает априорной приверженности соответствующей идеологии. То есть не идеология превращается в семиотический код, как это имело место в примерах, разобранных У. Эко [10], а ее отсутствие. Подобно тому, как уничтожение текстов оказывается не более, чем знаковым приёмом, порождающим множество новых текстов [2, с. 50], отсутствие идеологической интерпретации может быть формой трансляции определенного идеологического содержания. В связи с этим показательно получение новодельного советского паспорта лидером маргинального религиозного сообщества сектантского типа «РПЦ Царская Империя» т. н. «патриархом-царем-пророком Зосимой». По имеющейся информации, «Зосима обзаводится паспортом гражданина СССР образца 1974 года. Этот “документ” он согласился оформить, вероятно, потому что среди таких, как он, псевдоправославных сектантов, существует поверье, что старый паспорт, советский, был “отмолен” и безопасен» [6]. Царские претензии оказываются парадоксальным образом совместимыми с наличием советского паспорта.

На примере субкультуры граждан СССР мы видим, что семиотические маркеры принадлежности к движению могут существовать вне заданной идеологией системы координат, более того наличие идеологических смыслов, значений и коннотаций может и вовсе отсутствовать.

Список литературы

1. ВС скептически отнесся к духовным документам . Или почему лучше не рвать свой паспорт // [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/06/24/vs_skepticheski_otnessya_k_dухovnym_dokumenta_m__ili_pochemu_luchshe_ne_rvat_svoj_pasport. (дата обращения: 15. 09.2024).
2. Лавров А.С. Колдовство и религия в России: 1700-1740 гг. М.: Древле-хранилище, 2000. 574 с.
3. Мне предложили стать гражданином СССР, чтобы не платить по счетам // [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/ask/ussr-citizen/>. (дата обращения: 15. 09.2024).
4. Пошаговая инструкция как получить паспорт СССР // [Электронный ресурс]. URL: <https://m.ok.ru/group/58350143537190/topic/154319942683942>. (дата обращения: 15. 09.2024).
5. Прилуцкий, А. М. Семиотическая специфика современного герменевтического дискурса народной эсхатологии. // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 2(55). С. 90–96.
6. Псевдоправославная секта «царя» и «патриарха» Зосима (Леонида Власова) // [Электронный ресурс]. URL: <https://sektainfo.ru/pseudopravoslavnaaya-sekta-sarua-i-patriarha-zosimu-leonida-vlasova/> (дата обращения: 15. 09.2024).
7. Силантьев Р., Рагозин Ю. Параправославные секты в современной России. М.: Снежный ком, 2021. 432 с.
8. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
9. Число зверя» в паспорте гражданина РФ: судебная практика. // [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/07/20/chislo_zverya_v_pasporte_grazhdanina_rf_sudobnaya_praktika. (дата обращения: 15. 09.2024).
10. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

SEMIOTIC FICTIONS IN THE CULTURAL SPACE

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver

**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The article analyzes the specifics of the subcultural movement of citizens of the USSR from the standpoint of the semiotic approach. Supporters of this movement believe that the Soviet Union continues to exist, and therefore the presence of Soviet citizenship can exempt from the need to comply with modern Russian legislation, pay for utilities and repay loans and credits. The so-called «Soviet passport» became a symbol of belonging to the movement, the issuance of which turned into a profitable business. Using the example of this subculture, we see how ideology turns into a kind of semiotic code that contributes to the successful transmission of the corresponding ideologemes.

Keywords: *subcultural communication, semiotic fictions, semiotic code, passport, citizenship.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения. ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.09.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.10.2024